

— Хозяину чайной лавки от силы лет пятнадцать. Носит латаную-перелатаную хлопковую куртку, разве что обувь поновее, — высокомерно процедил заклинатель в темно-синей мантии, задрав подбородок и глядя куда-то в облака. — Судя по лицу, из тех бедолаг, на которых все несчастья мира сыплются. Обычный смертный... Стоит мне лишь пальцем шевельнуть, как он...

— Ш-шисюн... — Шиди, которому приходилось смотреть под ноги за двоих, поскольку его старший брат упорно игнорировал дорогу, робко прервал чужие излияния и ткнул пальцем в сторону паренька.

Шэнь Хан как раз закончил расплачиваться с плотником. Тот пообещал лично привезти доски к лавке и всё установить. Готовые низкие столики тоже нашлись — их сразу погрузили на ослиную повозку. Шэнь Хан торопился, переживая за свой брошенный прилавок, а потому то и дело подгонял мастера, совершенно не замечая, что неподалёку застыла группка заклинателей в тёмно-синих одеждах, глазевших на него со смесью шока и изумления.

— Искали по всему свету, а он сам нам в руки пришёл! — воскликнул старший брат Школы Небесного Моря, когда понял, что юноша точь-в-точь соответствует описанию. — Берём его, живо!

Но не успели они сделать и шага, как из-за их спин хлынула толпа демонических заклинателей в чёрных мантиях. В воздухе мгновенно закружились активированные артефакты.

— Вздумали прирезать мальчишку и заграбастать сокровище прямо у нас под носом? — издевательски захохотал один из чернокнижников Школы Тёмных Воронов. — А с нами, Тёмными Воронами, вы посоветоваться не забыли?

Чтобы не будоражить простых смертных, заклинатели поспешно сотворили Технику Отвода Глаз и замерли, обмениваясь яростными взглядами. Праведные и демонические секты враждовали испокон веков. С годами эта ненависть лишь укоренилась, и теперь любая их встреча неизменно перерастала в резню. Потерять редкое оружие в такой стычке считалось пустяком — куда проще было лишиться головы.

Шэнь Хан в недоумении оглянулся на пустую улицу, почуяв неладное, но магия скрыла бойцов от его взора. Пожав плечами, он взобрался на ослиную повозку и вместе с плотником покати́л прочь из города.

Решено было оставить открытой лишь одну стену — ту, что глядела на дорогу и зазывала прохожих. С трёх других сторон ветхую солому безжалостно ободрали, заменив её добротными деревянными щитами, поверх которых настелили свежий камыш. Крышу застелили новенькой промасленной бумагой, способной выдержать любой ливень. Длинные доски, пара новых столиков да восемь лавок сожрали последние сбережения Шэнь Хана. К счастью, до этого он успел запастись грубой мукой, рисом и сахаром, а на обратном пути прихватил в лавке семян горсть пшеницы. Юноша планировал огородить задний двор плетнем и засеять его зерном — тогда лавка и вовсе перейдёт на самообеспечение.

Плотник оказался человеком сёрдобольным. Разглядев сиротский быт паренька, вынужденного уютиться прямо в чайной палатке, он проникся к нему жалостью и работал на совесть, даже за деревянные гвозди плату брать отказался. Шэнь Хану стало неловко от такой доброты, и на прощание он всучил мастеру кулёк боярышниковой пастилы, бережно завернув её в промасленную бумагу.

Когда плотник ушёл, а Шэнь Хан принялся наводить порядок, готовясь к открытию, Хуан Чань огляделся по сторонам и, убедившись, что чужих ушей поблизости нет, поспешил заговорщически прошептать:

— Супруг Владыки, неужто вы и впрямь собираетесь остаться здесь навсегда? Наш Достопочтенный Демон хоть и заперт в своём дворе, но мы, его верные слуги, до сих пор держим под контролем множество его поместий и лавок. Вам совершенно ни к чему гнуть спину в этой жалкой чайной. К тому же... явись сюда хоть один заклинатель стадии Золотого Ядра, и меня с моими силёнками в мгновение ока сотрут в порошок...

Тем временем в самом городе Тэнчжоу бойцы Школы Небесного Моря и Школы Тёмных Воронов наконец-то вспомнили, зачем явились. Прекратив бессмысленную грызню, они на пределе сил помчались к чайной лавке и с ходу, без лишних предисловий, ринулись в атаку.

Наблюдавшие за этим из соседней рощи адепты Школы Обрушения Гор созерцали поистине уморительную картину: нападающие раз за разом дружно отлетали от невидимого барьера, поднимались из грязи, упрямо бежали назад, снова атаковали и снова отправлялись в полёт. Помня, как вчера сами крутились в таком же балагане, словно ярмарочные обезьянки, старший брат Школы Обрушения Гор не выдержал и послал одного из своих людей прояснить недотёпам суть дела.

Ближе к полудню у лавки, как обычно, потянулись местные трудяги — перевести дух, осушить пару чарок чая да перекусить боярышниковой пастилой.

— Мой малец вчера так разболелся, горел весь, ревел навзрыд без умолку, — хвастался один из здоровяков, так и сияя от гордости. — Ну я и скормил ему под вечер кусочек здешней пастилы. И что бы вы думали? Наутро проснулся живее всех живых, всю простуду как рукой сняло!

— А у моей бабы кашель никак не унимался, — закивал его товарищ. — Но стоило ей съесть пастилы, как сразу полегчало. — Он с улыбкой повернулся к притихшему за стойкой юноше: — Послушай, хозяин, ты туда целебных трав, что ли, подмешиваешь? Слыхал я, будто господа заклинатели варят особые лечебные отвары, которые на ноги за день ставят.

Шэнь Хан лишь молча покачал головой, глубже забившись в свой угол. Хуан Чань покосился на затухающий очаг и, заметив, что дрова на исходе, послушно притащил в зубах полено и подбросил в огонь. Работяги, посмеиваясь над столь смышлёной псиной, отпустили ещё парочку шуток, после чего выудили из-за пазухи звенящие медяки, побросали их в глиняный кувшин и не спеша двинулись дальше своей дорогой.

Пироги с боярышником почти не брали, и Шэнь Хан уже подумывал сам ими поужинать, как вдруг у порога зашумела пёстрая толпа. Посетители хлынули рекой: в мгновение ока все пять новеньких столиков оказались заняты, а опоздавшие плотным кольцом обступили лавку снаружи. Чашек на такую ораву явно не хватало. Шэнь Хан растерялся и хотел было извиниться, но стоявшие на улице люди преспокойно достали собственные пиалы и блюда из заплечных мешков.

Вскоре котлы опустели, а пироги и пастила разошлись до последнего крошева. Заметив, что солидный на вид купец за центральным столом сидит с недовольной миной, Шэнь Хан повеселел и поспешил вежливо пояснить:

— Моя лавка скромная, здесь можно лишь утолить жажду, но никак не наесться досыта. Если господа желают изысканной трапезы, им лучше заглянуть в харчевни города Тэнчжоу.

Заклинатели из обеих Школ — и Небесного Моря, и Тёмных Воронов, — покосившись на безмятежно греющегося у очага пёсика-оборотня, лениво помахивающего хвостом, лишь подавили желание прихлопнуть мелкую нечисть. Прислушавшись к ощущениям после съеденной пастилы, они молча поднялись со своих мест. Расплачивались благородные господа не скупясь — тяжёлые серебряные осколки с весёлым звоном посыпались на дно кувшина. Настоящие же купцы, ютившиеся во дворе со своими пиалами, отсчитали обычные медные монеты. Как только толпа рассеялась, Шэнь Хан бросился к кувшину пересчитывать дневную выручку.

Вышло едва ли не вдвое больше вчерашнего! Сияя от счастья, Шэнь Хан припрятал серебро, а затем подошёл к собаке и ласково потрепал её по загривку.

— Ну вот, теперь наша лавка никакому ветру не поддастся. А как скоплю побольше монет, позову плотника отстроить настоящую чайную обитель. Сделаем две просторные комнаты, крышу покроем тёсаными тёсами... Места всем хватит!

Отойдя подальше от лавки, мнимые торговцы скользнули в тень и растворились в воздухе. В мгновение ока они очутились в глубине леса, где по привычке рассредоточились согласно таблицы о рангах и уселись в позу лотоса. Направив ци по каналам и завершив полный небесный круг, они почувствовали, как съеденное угощение окончательно усвоилось. В их меридианах заструилась чистейшая первозданная энергия — и, что самое поразительное, без единой крупинцы скверны.

— Это куда чище обычных эликсиров для укрепления базы, — нарушил молчание старший брат Школы Небесного Моря, достигший стадии Золотого Ядра. — Чем ниже ранг у пилуль, тем больше в них ядовитого осадка. Приходится тратить силы на очищение каналов, а забитые меридианы — верная смерть для дальнейшего самосовершенствования.

Мнущиеся поодаль свободные практики с ничтожным уровнем сил едва не заплясали от восторга:

— Выходит, этот юноша превосходит иных алхимиков! Если мы обоснуемся поблизости, то сможем без лишних усилий укреплять своё духовное основание день за днём!

Поскольку заветное сокровище не давалось в руки никому, а пользу получали все, заклинатели благоразумно решили сдать оружие в ножны. Вражду отложили до лучших времён. Каждая из трёх школ отправила по гонцу с докладом к патриархам, остальные же устроились среди деревьев, то и дело прощупывая чайную лавку духовным чутьем в тщетных попытках разгадать её тайну.

Фэн Хуашуан, верный соратник и первый помощник величайшего владыки тёмного пути, славился безупречным умением решать любые задачи. Поместив портрет Достопочтенного Демона в паланкин, он созвал грозных демонических мастеров — среди которых не было никого слабее стадии Золотого Ядра — и без лишних промедлений двинулся в путь. Летели во весь опор, не разбирая дня и ночи, пока впереди не показались стены города Тэнчжоу.

Облачённый в роскошные, алые как пламя одежды, с распущенными по плечам чёрными волосами, Фэн Хуашуан явил миру лицо неопишуемой, почти порочной красоты. Окинув брезгливым взглядом маленький город Тэнчжоу, он недовольно изогнул изящную бровь.

— И надо же было Владыке выбрать такое захолустье...

Внушительная кавалькада чернокнижников без труда отыскала заветную лавку. Возглавляемые Фэн Хуашуаном, они явились подобно грозовой туче. За его спиной парами шествовали слуги, бережно несшие сто восемьдесят сундуков со свадебными дарами, а следом ступали изящные юноши-служки, благоговейно склонив головы. Портрет Владыки в паланкине внезапно развернулся сам собой, словно от невидимого порыва ветра. Написанный небрежными, размашистыми мазками туши, он тем не менее идеально передавал властный, пугающий лик грозного правителя демонов и его безупречную, леденящую кровь красоту.

— Гав! Гав-гав! — залился лаем Хуан Чань.

Он как раз обглодал куриную голяшку и лежал у порога, ворча под нос, почему этот щёголь Фэн Хуашуан вечно заставляет себя ждать, как вдруг его чуткое ухо уловило едва различимый шорох снаружи.

Окинув пса ледяным, пронзительным взглядом, Фэн Хуашуан процедил:

— А ну подойти... И изволь изъясняться по-человечески.

— Наконец-то вы соизволили явиться! — зашептал пёс, преданно завиляв хвостом. Оборотень владел особым искусством: его голос достигал ушей лишь тех, кому он предназначался, оставаясь глухим безмолвием для посторонних. — Тут небезопасно, давеча меня едва не прихлопнул один из праведников Золотого Ядра. Давайте по-быстрому заберём супруга нашего Владыки и дадим дёру, а?

— Тупица, — обронил Фэн Хуашуан, едва разомкнув губы.

Забрав из паланкина свиток с портретом, он плавной, неторопливой походкой вошёл под навес. Шэнь Хан в этот момент как раз увлечённо грыз пресную лепёшку. На столе перед ним дымилось блюдо с сочными кусочками курицы, густо пересыпанными колечками ярко-зелёного перца — один только вид этого простого кушанья разжигал нешуточный аппетит.

Будучи правой рукой великого Владыки, Фэн Хуашуан никогда не пренебрегал тренировками. Ныне его силы достигли пика Стадии Трансформации Божества — оставался лишь шаг, одно озарение до Стадии Великого Просветления, что возвело бы его в ранг живых полубогов. Стоило ему на мгновение выпустить волну духовного чутья, как все прятавшиеся в кустах заклинатели оказались как на ладони. Впрочем, никто из лесных соглядатаев и пикнуть не посмел — оцепенев под тяжестью его удушающей ауры, они старались даже не дышать, прикидываясь безжизненными корягами.

— Великий старейшина демонов... — застучал зубами Мышиноголазый, вжимаясь в землю. — Надо бежать... бежать...

— Куда ты побежишь? — со стоном оборвал его стоящий рядом даос, едва удерживая равновесие под гнётом чужой мощи. — Знай мы заранее, держались бы отсюда за тысячу ли. Глядишь, уцелели бы...

Перепуганные заклинатели мысленно прощались с жизнью. Имя Фэн Хуашуана сеяло ужас по всей Поднебесной: поговаривали, что его появление неизбежно оборачивается кровавой баней. Пылающие красные одежды и лицо, прекрасное, как у демона-искусителя, не оставляли сомнений — перед ними карающая десница Владыки. Смертный приговор был вынесен, и ни у кого не хватило духу даже на то, чтобы обнажить мечи.

Но в этот миг границы чайной лавки неуловимо дрогнули. Невидимый купол отрезал её от внешнего мира, заглушив любые духовные волны. Шэнь Хан, подняв глаза, застыл как вкопанный. Мужчина, запечатлённый на свитке Фэн Хуашуана, был настолько великолепен, что юноша невольно подался вперёд и потянулся к нему рукой. Стоило его пальцам коснуться тонкого шёлка, как чернильный лик ожил: тонкие брови дрогнули, а холодный взгляд устремился прямо на Шэнь Хана. Мальчик затаил дыхание, глядя, как плоский рисунок обретает осязаемый объём, наливается красками и, наконец, делает уверенный шаг вперёд, сходя прямо с полотна.

— В этот свиток заключена частица моей божественной воли. Плотная духовная энергия этого места позволила мне явиться во плоти, — раздался тихий, леденящий душу голос. Он отозвался эхом в самом разуме Шэнь Хана, но звучал при этом невероятно притягательно.

Гость оказался статным, высоким мужчиной с копной смоляных волос. Шэнь Хану приходилось сильно закидывать голову, чтобы рассмотреть его лицо.словно в полузабытьи, юноша коснулся ладонью его бледной, точёной щеки и прошептал:

— Если бы мой А-Бай умел принимать человеческий облик, он наверняка выглядел бы в точности как ты...

В представлении Шэнь Хана его верный белый пёс был самым прекрасным созданием на свете.

— Моё имя — Цзяо Байюэ... Гав?

<http://bllate.org/book/20638/2112390>